ФЭНТЕЗИ-ПРОРЫВ

EWA RED

EWA. Фэнтези-прорыв

Анжелика Нилова

Это всё я

«EKSMO WRITING ACADEMY»
2021

Нилова А.

Это всё я / А. Нилова — «EKSMO WRITING ACADEMY», 2021 — (EWA. Фэнтези-прорыв)

Снова и снова неведомые силы выкидывают душу Риты из её тела, в то время, как в него вселяется кто-то, кто приводит на землю безжалостных тварей ада. Бессилие охватывает девушку. Патрик, верный друг, с которым только-только завязываются другие отношения, всегда был рядом, но не выдерживает и решает уйти, когда Рита, наконец-то сдаётся в руки пограничного патруля, в котором служила до первого приступа. Рита отчаянно стремится снять проклятие. Но как снять то, к чему никто не имеет отношения?

© Нилова А., 2021
© EKSMO WRITING ACADEMY, 2021

Содержание

Глава 1. Живое тело 5
Глава 2. В последний вторник января 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Анжелика Нилова
Это всё я

Глава 1. Живое тело

У каждого из них свой аромат. Мужчину в бордовой кофте с кипой тёмных кудряшек окружает мускус. Блондин у стойки в чёрной рубашке с парой расстёгнутых пуговиц, сдающих густые заросли на груди, пахнет потом вперемешку с выпечкой. Другой, средних лет, с аккуратно зачёсанными рыжими волосами в щегольском костюме, издаёт тошнотворно сладкий душок. Возможно, его туалетная вода вполне ничего, но это как с сыром: ощущаешь вкус, кладя на язык тонкий ломтик, а не впихивая в рот двухсотграммовый кусок. Зачем выливать на себя пол-литра парфюма? Откуда у мужчин страсть к излишествам? Думают, чем гуще приманка, тем больше желаемого женского тела достанется?

Патрик тонко соблюдал баланс. Он игриво сверкнул синими глазами поверх стакана виски, из которого сделал очередной глоток. Апельсин с призвуком петрушки – вот его неизменный аромат. Странное сочетание, но, наверно, оно с ним дольше, чем Россия.

Чёрные волны небрежно обрамляют лицо Патрика. Я бы его постригла, но это мелочь, как и тёмный свитер крупной вязки. Такие не надевают на первое свидание. Хотя какие приличия мы должны соблюдать, когда видели друг друга после жуткой попойки, с высоченной температурой и даже в не первой свежести вещах, которые обычно не переживают больше одной бессонной ночи?

– Это быть вкусно.

Он приподнимает стакан, а я тихо смеюсь и поправляю:

– Просто вкусно.

Он в ответ снисходительно улыбается и повторяет, переиначив:

– Это просто вкусно.

– Без «просто».

Не могу не улыбаться, слыша ломаный русский. За три года он стал лучше. А вот мой английский по-прежнему болтается на минусовых температурах.

Смотрю в свой стакан, где тот же виски богохульственно смешан с колой. Нет. Только не сейчас.

Я дрожу, подступает тошнота с привкусом металла и запахом горчицы. Умоляюще смотрю на Патрика, с него же сползает заискивающая улыбка. Ужас искажает его лицо, а я проваливаюсь в темноту.

* * *

Шёл второй круг. Ему отводилось три часа. Данте был восхитителен, но не прав. Приукрасить – значит солгать. Какая разница, сколько кругов ада, если один может длиться целую вечность?

Я снова в забвении. Наклоняюсь к тёмной водной глади и с облегчением узнаю отражение. Вокруг лица свисает кипа чёрных кудряшек, в огромных карих глазах страх и растерянность. Цвета я дорисовываю по памяти, вода не в силах передать их в сумраке. Вдыхаю запах с металлическим привкусом, оседающим на языке, оглядываю плотную череду серых деревьев, в любой момент готовая бежать. От кого? Не знаю. Куда? Боже! Я не знаю, не знаю!

Вопросы назойливо бьются в черепной коробке. Я уверена только в одном. Я в аду и нужно двигаться, чтобы выжить.

Паранойя побеждает. Я срываюсь с места. Несусь так быстро, что вокруг всё смазывается. Деревья царапают обнажённые плечи. Я в борцовке, джинсах и кедах. Я не выбирала их. Не выбирала ничего, включая это тело.

Лес резко заканчивается. Я останавливаюсь. Лёгкие раздирает. Дышать больно, но нужно. Нос разъедает запах дыма. Только сейчас замечаю, что он везде. Бьёт озноб.

– Да почему снова второй? – сокрушённо бормочу под нос, понимая, насколько всё неправильно.

Ныряю в карман узких джинсов, выуживаю круглые часы. Цепочка беспомощно болтается, циферблат холодно показывает, что потрачено полчаса из положенных трёх.

Я жду.

Снова жду.

Чего? И почему всего три?

Поднимаю голову. Передо мной вырисовывается готический особняк в три этажа. Округлые окна на первом и втором, огромные панорамные – на третьем, покатая крыша, которую венчает острая башенка. У крыльца повядшие кусты роз, когда-то красные бутоны впитали серость.

Снова бегу. Как можно быстрее, как можно яростнее. Дело не во времени. Не в том, что нужно успеть. Главное, чтобы меня не заметили. Я знаю, что влетаю на крыльцо в последнюю секунду. Замешкайся – и всё, начинай сначала. Но почему я снова здесь?

Юркаю в дверь. Слишком мало времени, чтобы оглядеться, но память выстраивает картину. По грязно-коричневым половицам прохожу машинально: сначала большим прыжком, потом тремя почти семенящими, потому что откуда-то знаю те, что громко скрипнут, если на них наступить. Со стен пялятся портреты надменных дам в узких корсетах и пышных юбках. Будущее здесь не наступит.

Взлетаю по лестнице и вжимаюсь в стену за шкафом у самого входа на третий. Комната дрожит в свете бесчисленных свечей. Хруст костей пробирает до мурашек, заставляет всё внутри передёрнуться от отвращения. Вглядываюсь в отражение панорамного окна. Горло спазмирует, щеки обжигают непрошенные слёзы.

В центре комнаты огромный уродливый зверь. Спина выгнута горбом, половицы потрескивают под впивающимися в них когтями. Я вижу, что пасть чудовища размыкается и возбуждённо впивается в шею добычи. Единственное, что оставалось от тела. Остальное давно искрошено. Лысая голова зверя с острыми ушками измазана кровью, что капает с усов, брызжет из пасти.

За окном рушится ночь. Время настигает меня. Нет смысла обращаться к часам. Я знаю, что осталось от силы двадцать минут.

Запах крови и изодранных мышц с садистским удовольствием окутывает меня, проникает в ноздри, накатывает тошнотой. К нему издевательски присоединяется ладан. Новый герой с гордо вздёрнутым носиком вплывает в комнату. Маленькое милое личико обрамлено кружевным чепчиком, по полу шуршит накрахмаленная юбка. Пытаюсь вглядеться, но взгляд постоянно теряет фокус, и черты ускользают. Руки величественно держат подсвечник с тонкой восковой свечой, будто кубок лидерства.

В отражении тёмного стекла я вижу, как девушка обходит уродливое существо и садится перед ним. Слышу, как она подбирает юбки. Физически чувствую, с каким восхищением смотрит на зверя. Тот отфыркивается от костей и крови, вытягивает морду, принюхивается. Мы обе почти не дышим. Она – от благоговения, я – от страха и отвращения.

– О нет… – неслышно выдыхаю и жмурюсь.

Боль пронзает виски раскалёнными спицами. Я вдыхаю запах мокрой пыли и теряю сознание.

* * *

Кап. Кап.

Мерзость…

Кап.

Тошнит мерзко, с головной болью. В нос настолько резко бьёт запах, что стараюсь дышать через раз и не глубже ключиц.

Кап. Кап. Кап.

Зачем я проговариваю это?

Кап.

Опять ловлю себя на шевелении губ, неслышно произносящих «кап» каждый раз, когда капля встречается с полом. Я сделала это. Снова сделала. Остаётся ждать, когда мне расскажут детали, потому что сама ни черта не помню.

– Рита, – звучит рядом жалостливо.

Я узнаю Патрика. Он проговаривает моё имя почти идеально, сдаёт его только невнятное «Р». Закрываю глаза. Тошнота становится слабее, только мигрень усиливается, стучит по черепушке острыми молоточками сразу в четырёх местах. Боль сродни медитации. Она разрастается, затмевает меня. Позволяю ей вспыхнуть, отвоевать моё сознание, а потом силой давлю. Хватит.

– Патрик, – хриплю и вздрагиваю.

Только сейчас замечаю, как ноют запястья и щиколотки под холодными оковами. Я сопротивлялась. В этот раз сильнее. Снова противные густые синяки. Мне даже не нужно смотреть на них. Я знаю все градации цветов: из почти чёрного в бурый, потом постепенно к мерзкому жёлтому.

На лоб ложится тёплое махровое полотенце. Хочется укутаться в него полностью. Патрик снимает железо с ног и рук, осторожно поднимает моё измученное тело. Нет сил даже ухватиться за него. Хочется материться от вновь подкатившей к горлу тошноты, но выходит лишь расплакаться.

– Что я… сделала? – с всхлипом спрашиваю полушёпотом.

В груди щемит. Не хочу слышать ответ. Патрик вздыхает и милостиво тянет. Он знает, какой ужас испытаю я, когда он расскажет. Мы медленно поднимаемся по лестнице из подвала. Я щурюсь от света и всхлипываю от новой волны мигрени.

– Ты потеряла сознание, – опускает он мне на спину первый кнут, внося в тёмную ванну.

Аккуратно сажает на стиральную машинку. Включает свет. От него не так больно, как от солнечного. Я с трудом удерживаю равновесие, а он не спешит продолжать. Открывает воду. Изголодавшиеся по теплу мышцы ноют.

– Ты открывала глаза как после сна, – продолжает Патрик. – Ты говорила что-то на неизвестном языке.

На меня обрушивается второй кнут. Я больше не могу. Я плачу. Из горла против воли рвутся звуки. Я знаю, что он скажет дальше. Я готова сама себя стегануть, но не могу. Рыдания не дают.

– Воздух рвался.

Он молчит, пока набирается ванна, а я содрогаюсь от всхлипов. Патрик больше ничего не говорит. Теперь заговорить должна я, но мне страшно. Я в отчаянии.

Патрик закрывает воду и снимает меня с машинки так медленно и аккуратно, будто могу сломаться. Только я уже сломана. Треснута внутри. Я ненормальная. Неконтролируемое воплощение тьмы. Я больна.

– Сколько? – беззвучно шевелю губами, когда он опускает меня в горячую воду.

Мышцы слабеют. От воды. Боли. Бессилия. Во взгляде Патрика мольба. В его синих глазах надежда, что отвечать не придётся. Но он знает, что придётся. Я должна принять последний кнут.

– Наверно, двадцать, – выговаривает он аккуратно, почти вопросительно.

Новые рыдания душат. Я вою зверем. Я знаю, что эти двадцать я должна умножить на два.

* * *

Патрик останавливает джип у серой коробки здания, на которую я бросаю один неловкий взгляд. Тело обмякло и не слушается, хоть я и решила больше не прятаться. Заставить его покинуть автомобиль – титанический труд. В одиночку не справиться. Слишком сложно. Руки обессилено лежат на коленях. Невидяще смотрю на них, надеясь провалиться сквозь землю.

Патрик поглядывает на меня с жалостью. Он снова отступает, как тогда. Так много времени прошло! Я надеялась, что простилась со своим проклятьем, но оно погребло меня под новой лавиной беспамятства. После ямы всё та же схема. Взгляд Патрика, в котором за сочувствием прячется страх, и бесконечные бега. Только теперь от «фильма», после которого захочется сдохнуть, не скрыться. Точка. Я должна решиться, должна шагнуть в это, чтобы больше никого не задело то, что прорывается через меня в моменты беспамятства. Пора признать поражение и позволить *им* сделать хоть что-то.

Патрик молчит. Ждёт, пока я соберусь с силами. Он не станет выталкивать меня из машины, а жаль. Если уж не кричит, то хоть бы подбодрил… Он ругается на родном, когда злится. Улыбаюсь воспоминанию. Я готова.

Выхожу из автомобиля. К чему готова? К казни? Уж лучше электрический стул, но это слишком большая милость. Пытки – вот что моё всецело.

Храбрюсь. Сложны лишь первые два шага. Третий и четвёртый натянуты, но почти легки. С пятого уже стремительны. Патрик понуро плетётся следом. Уверена, он проклинает своё решение остаться. Ещё больше проклинает импульсивность, что подстегнула пригласить меня в бар. Почему нельзя было по классике жанра напиться дома?

Я сдуваюсь сразу за дверью. В пустом холодном коридоре с пошарпанными стенами нас встречает долговязый мужчина с острым зелёным взглядом и шапкой русых волос. Он мне смутно знаком. Синяя рубашка поло и джинсы, будто якорьки за давно забытые события.

– Риска, – выдыхаю против воли, не желая показывать, что вспомнила.

Отголосок прошлой жизни заныл под ложечкой. Натан. Сокращённо почему-то Тай. Он всегда таскал ириски в кармане, и мы прозвали его Риска. Я не знала его. Почти. Он пришёл, когда дни мои в пограничном отряде были сочтены.

– Рад, что помнишь, – скептически изрекает Тай, окончательно опустошая мой резервуар смелости.

Он распахивает дверь, на которую опирался, и молча ждёт, пока я двинусь с места под его внимательным, ничего не выражающим взглядом. Я призраком проплываю мимо. Торопливо проходит Патрик, не желая испытывать терпение встречающего. Тай бесцеремонно захлопывает дверь, громко вздыхает и движется следом.

«*С повинной головой*», – вспыхивает в глубине сознания непрошенным озарением. Именно так это называется. Я вздрагиваю, чуть не налетев на бледную худую девушку с длинными чёрными волосами и замираю, испуганно распахнув глаза перед зеркалом. Не думала, что настолько плоха. Очередной приступ не только выжал все душевные силы, он иссушил физически. От молодой, весёлой, охотно ввязывающейся в авантюры женщины осталось только имя. Горевшие жизнелюбием глаза теперь болезненно светились страхом. И вот такой я пошла в бар? Такой явилась на свидание? Или один приступ назад здесь ещё было на что взглянуть?

Судорожно вздыхаю, стыдливо отвожу глаза от отражения. Становится жутко неуютно, хочется спрятаться в безразмерную кофту. Как назло, я выбрала чёрные брюки и приталенную бордовую блузку. Я ещё удивилась, как свободно они сели. Больше наряд не кажется удачным.

Я пугливо оглядываюсь и ёжусь. Тай ведёт нас с Патриком через просторное офисное помещение. Странно, но в штабе молчат телефоны, пусты столы за перегородками. На краях лежат аккуратные стопки бумаг. Хочу спросить, где все, но собственное тело отказывается сотрудничать. Звуки не идут изо рта.

Тай открывает светлую деревянную дверь. Плечи Патрика становятся покатыми, голова понуро опускается, когда он пересекает порог. Я прикладываю все возможные и невозможные силы, чтобы не показать, как боюсь. У меня не получается. Тереблю рукава блузки, дёргано оглядываюсь. Тай лишь закатывает глаза, когда я на секунду замираю на краю тускло освещённой комнаты.

Я вхожу. Перед большим экраном, на который проектор транслирует заставку компьютера, вытянулись стулья. Патрик устраивается на самых дальних. Я себе этого позволить не могу.

Сажусь в центре первого ряда, костенею в тугую струну. Шумно сглатываю, невидяще пялюсь в экран. Тай хлопает дверью, от чего я вздрагиваю и роняю горячую слезу на пальцы. Я плачу? Напряжение хлынуло водой. Быстро вытираю щёки, надеясь, что слёзы незаметны.

Хотя бы слёзы. Я знаю, что выгляжу загнанным зверем. Тронь – и завоет.

Тай садится недалеко от меня за компьютер. В ожидании руки мои сжимаются так крепко, что тремор бежит по мышцам, доставая до живота. На экране появляется изображение.

Брюнет в бордовой кофте, который пах мускусом, стоит за высоким столиком-островком. Блондин в чёрной рубашке глушит пиво за стойкой. Я помню пот и выпечку, которые уловила, когда опустилась рядом в ожидании Патрика. Рыжий в возрасте за столиком недалеко от нас. Я постоянно отмахивалась от густющего шлейфа духов.

А вот и две чёрные макушки, склонившиеся над столиком друг к другу. Я и Патрик. Оба держим в руке по стакану с виски. Он – чистый, я – смешанный с колой. Картинка начинает дрожать. Сначала на экране вскакивает Патрик, следом – остальные. Меня бьёт эпилептический приступ, стакан крошится в руке.

Отрываю взгляд от экрана. Слёзы струятся по щекам, я переворачиваю дрожащую руку. Ладонь прорезают раны. Я не чувствовала боли. Я уже ничего не чувствую. Меня вычерпали. Опустили ниже нуля возможных сил. Рита кончилась.

С трудом поднимаю глаза обратно к экрану и давлю крик. Только стон-всхлип вырывается из горла. На экране я медленно поднимаюсь, усаживаясь на полу, гляжу на руку, с которой льётся кровь. Губы шевелятся, чеканя слова, грудь высоко вздымается с каждым вздохом. То, что я говорю, я говорю самозабвенно. Что страшнее, я использую свою кровь.

Рядом со мной искрит. Камера не передаёт свечения, но разлом зияет тьмой. Вот что Патрик назвал коротким «воздух рвался». Из него валятся мерзкие склизкие твари и мечутся вокруг меня. Они похожи на уродливых мелких кошек из кожи и слизи. Они отвоёвывают меня друг у друга. Сражаются за внимание. На моём лице торжествующая кривая ухмылка.

На моём ли? Кого я вижу на экране? От кого содрогаются внутренности? Меня сгибает пополам, тошнит желудочным соком. Последнее, что попадало в желудок, это то самое виски с колой больше суток назад.

Тай услужливо останавливает воспроизведение и невозмутимо выходит. Он возвращается спустя минуту. Бесцеремонно кидает мне бутылку воды и пачку салфеток, бросает бесформенную тряпку на то, что вышло из меня. Всё это он делает молча и беспристрастно, будто происходит что-то само собой разумеющееся. Будто каждый день он показывает фильмы призыва адских тварей девушкам, которых выворачивает наизнанку. Настолько привычными кажутся его действия.

Он возвращается за компьютер, выжидает, пока я дрожащими руками открываю салфетки, каким-то чудом не роняя их раз пять, с трудом раскручиваю бутылку, делаю глоток, закрываю и кладу на стул рядом. Я хочу повернуться и увидеть лицо Патрика, но не могу себя заставить.

Я всхлипываю и киваю, как бы сама предлагая продолжить пытку. Тай тут же запускает запись.

Я должна выдержать. Должна увидеть.

Тварей десятка два. Кажется, в этот раз Патрик не преуменьшил. То, что было мной, подносит каждую к своему лицу, глядит с восторженным сумасшествием и отпускает. Я не могу увидеть деталей, но ощущаю, как соскальзывают мерзкие тельца с пальцев, оставляя липкую влагу. А затем вгрызаются в того, кто ближе. Один за другим.

В баре ещё четыре человека, кроме нас с Патриком. Те трое и бармен. Им не удаётся сбежать. Двери заблокированы. Я не в силах оторвать широко распахнутых, лихорадочно блестящих глаз от того, как моё тело продолжает благословлять каждое порождение. Как скребут несчастные стены, пытаются выцарапать дверь, разбивают стулья о неподдающиеся окна.

Твари вцепляются в них. Двадцать на четверых. По пять на каждого. Патрик под защитой. Он всегда выстраивает защиту, когда находится со мной. Он стоит спиной к камере, но я могу достроить по памяти его закрытые глаза, скрещенные на груди руки. Я знаю магическое сияние каждого из его амулетов. Знаю силу любого из них. Та я, что на экране, с благоговением наблюдаю за происходящим. Щёлкаю пальцами, разлом исчезает.

Твари вгрызаются в тела, пока не превращают их в бесформенные массы. Насытившись, они проламывают стены и исчезают где-то в городе. Тай выключает запись.

– Все пойманы. Не уничтожена только одна, – рапортует он и поворачивается ко мне.

Я всё ещё заворожённо смотрю на экран. По щекам текут слёзы.

– Это не я, – лепечу беззвучно.

– Возможно, – фыркает Тай.

– Это не я.

Моё вечное неработающее заклинание. Пора бы сменить его, но я не могу. Всё твержу и твержу это. Тай буравит меня взглядом, ждёт, пока закончу. Я же попала в бесконечный круг отрицания.

– Что ты помнишь? – хлёстко спрашивает он, не выдерживая.

Я вздрагиваю и непонимающе смотрю на Тая, будто забыла, что он здесь есть.

– Тошноту и мигрень. Кола в стакане дрожала. А потом я очнулась в подвале, – отзываюсь блёкло.

Тай смотрит на меня испытующе, взвешивая каждое слово на весах правды. Он мне не верит. Он верит своим глазам. Я когда-то тоже верила.

– У тебя ночь, – отрезает Тай, всё ещё не отводя бесчувственного взгляда, от которого хочется сбежать. – Утром я приеду и заберу тебя в штаб. И не вздумай опять бежать, будет хуже.

Он встаёт и выходит. Вердикт звучит страшнее приговора к смертной казни. Можно я лучше продолжу пытку голубым экраном?

* * *

Мы с Патриком возвращаемся в полном молчании. Я не замечаю, как мы преодолеваем пустой офис и пошарпанный коридор, как сажусь в машину, даже не сразу слышу, как Патрик зовёт меня, остановившись у дома. Не замечаю, как слёзы невольно текут по щекам. Только сейчас вижу мокрые пятна на джинсах и капли на руках. Наскоро вытираю руки и спешу убрать следы с лица. Глупо, конечно же, ведь Патрик уже всё видел.

Только обмануть я хочу саму себя. Хочу быть сильной. Хочу быть кем угодно, но не собой.

Всё также вдоль мощёной дорожки ко входу в дом тянутся когда-то любимые кусты карликовых роз, теперь заброшенные. Они разрослись как попало, трогают щиколотки и икры бутонами и ветками.

Дом встречает мраком. Окна плотно завешаны. Прохожу внутрь и хлопаю в ладоши. Включается свет. Шагов за собой я не слышу. Обернувшись, вижу, как Патрик мнётся в проходе и избегает смотреть мне в глаза.

– Я в хостель, – извиняющимся тоном говорит он.

Он нелепо коверкает слово, соединяя «хостел» и «отель», путая ударение. Но я не поправляю. Как можно скорректировать силу удара, от которого подкашиваются ноги? Я хочу умолять его остаться, но не чувствую на это право.

Патрик вымученно улыбается, с трудом смотрит в глаза и оставляет тет-а-тет с бушующими демонами.

Хочется умереть. Я опускаюсь на пол, утыкаюсь лицом в колени и оплакиваю свою загубленную жизнь.

Глава 2. В последний вторник января

Ночь впивается в лёгкие мутными пальцами. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я впервые одна за… сколько? Я не оставалась тет-а-тет с собой дольше часа много лет, чтобы смочь выделиться во что-то отдельное. Я не я. Есть только пульсирующая тьма, выедающая по капле мою же суть.

На меня рушится всё, что не изменить никакой магией. Я знаю, что приступа не должно случиться так быстро, но будто слышу запах горчицы, чувствую привкус металла. Они лишь эхо тех запаха и вкуса, но их достаточно, чтобы бояться нового выводка тварей, который радостно вырвется из портала, что откроет моё тело. Я отказываюсь думать, что это я.

Это кто-то, кто отвоёвывает моё тело. Тело медиума, что раньше латал дыры, через которые из низшего астрала просачивались демонические существа. А теперь защита между мирами рвётся моими руками. Мои руки впускают тех, с кем с трудом справляется пограничный отряд. Какая ирония! Только вместо смеха меня сжимает от ужаса и рыданий, что никак не вырвутся слезами из проклятого тела.

Я пытаюсь отвлечься, пытаюсь спастись от себя воспоминаниями, которые призываю вспышками светлого, прекрасного, что ещё теплится внутри. Пытаюсь воскресить и прокрутить до мельчайших подробностей, чтобы не потерять. Как будто это последнее, что есть я настоящая.

Вот аэропорт. Воздух заполнен солнцем. Мне двадцать. Так мы знакомы с Патриком уже… семь лет? Как будто всё произошло совсем недавно. Всего же три. Я ощущаю эти семь лет вдвое короче, но даты говорят другое. Как могло так скомкаться время?

Стой… стой! Аэропорт. Кофе. Безумно хочется кофе. До прилёта американца почти полчаса, а я зачем-то залезла на каблуки. Лаковые красные туфли, джинсы дудочки и белая блузка. Кудри, которыми я безумно гордилась, всегда распущены. Одной уверенности в собственной неподражаемости хватало, чтобы покорить любого мужчину. Сейчас при тех же слагаемых я вызывала только жалость.

Сердце сжало. Аэропорт! Возвращаю себя за столик кофейни с огромным бумажным стаканом капучино с дополнительным эспрессо. Бариста тогда странно глянул, но выполнил мой каприз без единого вопроса.

Я представляю, каким он будет, маг-американец по имени Патрик. Фантазия рисует высокого, поджарого мужчину в тонкой футболке и джинсах, конечно же, со знойным взглядом. В голове статичная картинка, одна из тех, какими переполнялись журналы с кинозвёздами из периода моего только-только зарождающегося интереса к противоположному полу.

Выпив едва ли половину лошадиной порции кофе, благодарю себя, что завела будильник, услужливо напомнивший о времени. Гордо вскинув голову и предвкушая скорую встречу, направляюсь к залу прилёта. Я жду совсем недолго. Мне не нужны фото или приметы. Достаточно быть той, кто я есть с рождения. Пока маг, почувствовавший медиума, стоит передо мной с широкой улыбкой, не зная, что говорить, я сверяю его с фантазиями. На Патрике шоколадного цвета кофта, чёрные волосы лежат безумными волнами (через пару недель я пойму, что это его привычный вид и самолёт совсем ни при чём), открытый синий взгляд до наивности искренен. Ну хотя бы джинсы совпали. Ну что ж, я медиум, а не предсказатель.

– Я нужен кофе, – изрекает он спустя неловкую паузу после приветствия и знакомства.

Молча протягиваю бумажный стакан, глядя с любопытством. Я давлю смех из-за его русского, но не даю веселью отразиться на моём лице. Я потом объясню ему, как комически он исказил смыслы, спустя пару месяцев, кажется, когда ему станет интересно моё первое впечатление от его нелепого появления. А сейчас, в зале прилёта, Патрик приподнимает удивлённо

бровь и принимает стакан. Он отпивает и, с трудом проглатывая, возвращает. На лице его отражается страдание.

– Я. Нужен. Кофе. И сахар, – с трудом проговаривает он.

Я больше не могу сдержаться и хохочу в голос. Патрик откашливается и тоже смеётся. Тихо и неловко, прикрыв рот кулаком.

Он совсем не такой, как я представляла. Несуразный из-за стеснения, сильно ломающий язык, из-за чего наш третий неизменный собеседник, без которого бы всё быстро стухло, – моя интуиция. И он совсем не знойный. Но что-то живое и тёплое бьётся между нами, перетекает, обволакивает, сокращает дистанцию слово за словом. Мы разлучаемся лишь на задания. Нас никогда не отправят на них вместе, ведь искры между нами ослепляют всех и нас самих. И это становится стимулом работать точнее и сильнее, чтобы быстрее оказаться в его объятьях снова.

Нас захватывают страсть и бесшабашность вперемешку с близостью и пугающим доверием, а потом… Потом случается первый приступ. Я загнана в клетку в прямом смысле. После привкуса металла и запаха горчицы, которым я не придаю значения, пока не обнаруживаю в них предвестников после второго приступа, наступает промозглый холод камеры.

Они смотрят на меня как на дикого зверя. В глазах мракоборцев решительность и готовность, но я чувствую бьющийся под ними страх, заставляющий быть на чеку. Только в глазах одного человека сочувствие и тревога. Он единственный не боится коснуться моих бледных замёрзших рук, обвивших прутья, и потребовать тёплые носки, плед и термос горячего чая.

– Ты имел изменение. Холод. Зло.

Я вижу, как пытается Патрик подбирать слова. Его русский за эти годы стал лучше, но всё ещё проваливался. Особенно плоховал он, когда волновался, тогда возвращались обедненные английской односложностью фразы. Интуицию, до этого верно помогавшую мне понять любимого, заволокло плотным туманом.

– Я не понимаю, – шепчу судорожно с нарастающей тревогой и надеждой, что ошибаюсь.

– Ты открыла портал и впустила демонов, – надменно кинул мракоборец, вернувшийся со всем, что просил Патрик.

Широкоплечий, во всём чёрном, как и прочие солдаты пограничного отряда. Только он не протянул ко мне руки, а передал всё Патрику. А я была гораздо ближе. Ощущение грязи потекло внутри тяжёлой вязкостью.

– Я не могла так поступить! – запротестовала я и вскоре увидела, что могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.